

83
K823

КРИЗИС ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМА

**УТРАТА ИДЕНТИЧНОСТИ
VS. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ «Сибирский федеральный университет»

Серия «Универсалии культуры»
Вып. V

КРИЗИС ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМА

УТРАТА ИДЕНТИЧНОСТИ VS. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Монография

Ответственный редактор
доктор филологических наук Н.В. Ковтун

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2014

83.3(2=411.2)6

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К82

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. *Н.В. Ковтун* (отв. ред.);
д-р филол. наук, проф. *К.В. Анисимов*;
д-р филол. наук, проф. *Ю.А. Говорухина*;
канд. филол. наук, доц. *Е.Е. Анисимова*

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф., директор Института филологии
Сибирского отделения РАН *Игорь Силантьев*;
д-р филол. наук, проф., заведующий кафедрой славистики
Фрибургского университета *Йенс Херльт* (Швейцария)

Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые
К82 возможности : монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. — М. :
ФЛИНТА : Наука, 2014. — 576 с. — (Сер. Универсалии культуры.
Вып. V).

ISBN 978-5-9765-1856-8 (ФЛИНТА)

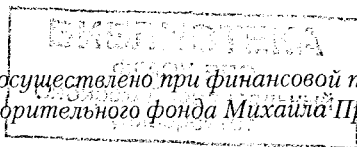
ISBN 978-5-02-038555-9 (Наука)

Издание посвящено проблемам изменения ролей художественной литературы в культурном контексте XX—XXI вв., динамики символического и социального статуса ее творцов, усложнения функций чтения и сочинения как ключевых практик, делающих возможным литературное творчество как таковое.

Для студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных вузов.

532501

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
благотворительного фонда Михайла Прохорова

ISBN 978-5-9765-1856-8 (ФЛИНТА) © Колл. авторов, 2014
ISBN 978-5-02-038555-9 (Наука) © Издательство «ФЛИНТА», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

Раздел 1. Литературоцентризм как модус русской культуры: структура и историческая динамика явления

<i>Ольга Турышева (Екатеринбург)</i> . Опасности литературоцентризма: культ литературы глазами литературы	11
<i>Илья Кукулин (Москва)</i> . Увенчание и развенчание идеологического, мифа в мистериальном театре Д.А. Пригова	27
<i>Андреа Мейер-Фраатц (Йена, Германия)</i> . Развенчание мифа или сотворение нового? «Освобождение Пушкина» из литературно-исторической канонизации А. Битовым, или «что надо знать о зайце»	44
<i>Наталья Ковтун (Красноярск)</i> . Реальность и текст в прозе рубежа XX–XXI веков: «Последний мир» К. Рансмайра и «Кысь» Т. Толстой	69
<i>Ирина Савкина (Тампере, Финляндия)</i> . «Поцелуй вампира»: убивает или сохраняет классику современная массовая литература?	95
<i>Марина Абашева (Пермь)</i> . На литературном фронте: борьба с каноном в русской прозе рубежа XX–XXI веков	115
<i>Мария Литовская (Екатеринбург)</i> . Школьное преподавание литературы и его роль в судьбе российского литературоцентризма	138
<i>Татьяна Рытова (Томск)</i> . К проблеме литературных поколенческих мифов в эпоху кризиса литературоцентризма: особенности поколенческого сюжета в романах 2000-х годов	158
<i>Юлия Говорухина (Красноярск)</i> . Кризис литературоцентризма: а был ли мальчик?	179

Раздел 2. Литературоцентризм как самоописание. Литература о литературе: образ, мотив, сюжет, рефлексия, текст

<i>Владимир Васильев (Красноярск)</i> . Литературный текст в свете архетипической проблематики	207
<i>Екатерина Шевчугова (Красноярск)</i> . Художественно-эстетическая рефлексия в письмах И.А. Гончарова к литераторам	239

<i>Евгения Анисимова (Красноярск)</i> . В.А. Жуковский в эстетике и поэтической практике К.М. Фофанова. Об особенностях литературной рефлексии предсимволистского времени	248
<i>Кирилл Анисимов (Красноярск)</i> . Литературность и ее границы: два представления о книге в эстетике И.А. Бунина	278
<i>Елена Проскурина (Новосибирск)</i> . Мотивы библиотеки, книги, чтения в романах Г. Газданова	298
<i>Марина Хатямова (Томск)</i> . Знаки литературности в биографической прозе Н.Н. Берберовой	323
<i>Нина Хрящева (Екатеринбург)</i> . Функция «чужих» текстов в «Чевенгуре» А. Платонова	346
<i>Роза Семькина (Барнаул)</i> . Метафизика превращений в творчестве Ф.М. Достоевского и Ю.В. Мамлеева	370
<i>Моника Сидор (Краков, Польша)</i> . Творчество и ответственность: статус литературы в публицистике А. Солженицына	393
<i>Ольга Богданова (Санкт-Петербург)</i> . «Золотой сон» литературы (логоцентризм и антилогоцентризм прозы Т. Толстой)	410

Раздел 3. Литературоцентризм и вызовы интермедialности: слово и...

<i>Ясмина Войводиц (Загреб, Хорватия)</i> . Игра в литературоцентризм (на примере адаптации «Метели» А.С. Пушкина)	445
<i>Елена Худенко (Барнаул)</i> . Телефонная близость в русской поэзии: подрыв литературоцентризма (поэма В.В. Маяковского «Про это» и другое)	459
<i>Анна Разувалова (Санкт-Петербург)</i> . «Влияние литературы и искусства на человеческое общество... преувеличено». Виктор Астафьев: «литература» vs. «биология»	479
<i>Татьяна Маркова (Челябинск)</i> . Интермедialный код в новейшей русской прозе (роман «Быть Босхом» А.В. Королева)	498
<i>Ирина Плеханова (Иркутск)</i> . Литературоцентризм социальной лирики (В. Емелин, А. Родионов, М. Панова)	516
<i>Анастасия Губайдуллина (Томск)</i> . Современная литература для детей: стагнация или трансформация?	557

От редакции

Настоящая монография обязана своим появлением Международному научному семинару **«Кризис литературоцентризма: утрата идентичности vs. новые возможности»**, организованному кафедрой русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета в ноябре 2013 г. Проблематика, заявленная на форуме, определила логику настоящего издания.

Сравнивая систему социальных функций отечественной словесности XVIII—XIX вв. с постперестроечным временем, исследователи отмечают принципиальную трансформацию, которую претерпела литература за минувшие десятилетия: видоизменению подверглось прежде всего такое свойство отечественной словесности, как ее повсеместное в ранние эпохи присутствие в религиозном, политическом, социальном, философском, естественнонаучном дискурсах, а также, закономерно, в дисциплинарных рамках указанных духовных и интеллектуальных традиций. Природа этого положения вещей была двойственной: растворение художественного начала во внехудожественных словесных контекстах долго препятствовало обособлению литературы как самостоятельного вида эстетической деятельности. Однако одновременно это же создавало эффект «всеприсутствия» литературы, ориентировавшей многие социальные практики на книжно-литературные образцы. Переход от просвещенческой веры в могущество Слова к подрыву статуса Автора, релятивизации литературного письма, знаковым нарушениям художественных конвенций и границ художественности в целом — в диапазоне от предельной их социализации в рамках советского проекта до десоциализации и тотальной ревизии в постмодернистской эстетике, где иерархическая вертикаль заменяется плюралистической горизонталью, взрывным, по Ю.М. Лотману, образом осуществился в середине — конце XX столетия. Наряду с обретением автономного статуса, литература столкнулась с коммерциализированными прежде нее самой визуальными искусствами, чья символическая ценность определяется популярностью у масс.

Лишившись поддержки властных инстанций, литература оказалась не в состоянии конкурировать на равных из-за малой вос-

требованности, развенчания статуса интеллигенции, утратившей свою прежнюю социальную харизму, а также по причине истончения слоя «серьезных» читателей, нацелившихся в определенный момент на развлечение, предоставляемое визуальными видами искусства. Свою роль сыграли и экономические причины: книга — дорогой товар, домашние библиотеки осознаются как неоправданная роскошь, как излишество или старомодное чудачество. Традиция работы со сложными текстами (интерпретация которых требует аналитических усилий, времени, внутренней подготовки), составляющая одну из важнейших особенностей отечественной культуры, девальвируется.

Автор из пророка, учителя превратился в ремесленника, даже шута, чья задача — развлекать публику. На рубеже XIX—XX вв. возник феномен «популярного писателя», чьи гонорары существенно выше заработков классиков, для которых литература была служением, миссией. Спрос на массовую литературу, писателя-зевачу, наблюдателя, отстраняющегося от собственного текста (а потом и остранивающего его), становится индикатором кризиса литературоцентризма, утверждением власти рынка, его права определять статус того или иного товара, жеста, события.

В рамках национальной русской версии европейского просвещения продажа книги маркируется отрицательно, отстаивается сакральное значение письменного текста, в котором сокрыто Слово Господа: «Слово совмещает в себе и разум, и речь, и одно из наименований Сына Божия, и данный им людям закон», — пишет Ю.М. Лотман. Авторитетность слова признается имманентной, присущей слову как таковому, «суетное слово противоестественно как осквернение»¹. М. Мамардашвили считает всю русскую классическую литературу словесным мифом, единой «социально-нравственной утопией», «попыткой родить целую страну — из слова, из смыслов, правды»². В условиях деканонизации образа книги, слово писателя десакрализуется, становится «словом человеческим», нуждающимся в обсуждении и проверке. Художник обретает действительную свободу и рискует только коммерческим

¹ Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV. (XVIII — начало XIX века). М., 1996. С. 88.

² Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 187.

неуспехом собственных книг, но одновременно общественная ценность его произведений понижается.

Завершение либерального периода русской литературы специалисты относят к началу 1990-х (августовский путч), когда победа либеральных идей сделала неактуальным чтение современной литературы, ибо ее традиционные функции, связанные с созданием утопий «светлого будущего», оказываются невостребованными¹. Высокая словесность становится уделом немногих, приобретает качество музейности. Профессия писателя теряет престиж. Параллельно с этими процессами наблюдаются, однако, попытки сохранения «литературной идеологии» «сверху», свидетельством чего становится пренебрежительное отношение к массовой литературе, функционирование поля культурного истеблишмента, подобного властному, затухание андеграунда.

Сегодняшняя ситуация, в которой причудливо переплетены тенденции угасания интереса к «серьезной» литературе и жажда сохранить «литературную идеологию» усилиями власти (о чем свидетельствует наличие многих литературных премий, передач на ТВ соответствующей тематики, регулярные встречи высших лиц государства с писателями), обостряется отчетливым дефицитом «культурного читателя», способного освоить ту самую высокую словесность, которая является одним из величайших достижений нашей цивилизации.

Предлагаемая читателю монография — одна из первых попыток осмыслить ситуацию с русским литературоцентризмом, как она сложилась к началу XXI в., что и придает ей безусловную актуальность.

Книга состоит из трех разделов, в которых феномен литературоцентризма освещается в трех перспективах:

- как теоретическая проблема и социокультурное явление, имеющее свою периодизацию — первая часть **«Литературоцентризм как модус русской культуры: структура и историческая динамика явления»**;
- как рефлексия литературы о самой себе в рамках внутри-литературных рецептивных взаимодействий, а также постоянного

¹ См.: Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 267.

производства образов литературного труда, из которых главенствующим, естественно, оказывается образ книги — вторая часть **«Литературоцентризм как самоописание. Литература о литературе: образ, мотив, сюжет, рефлексия, текст»**;

- как пульсация литературного поля и его «наложения» на соседствующие медиальные, социальные, естественнонаучные практики — третий раздел **«Литературоцентризм и вызовы ин-термедальности: Слово и...»**.

Предлагая книгу на суд читателей, ее редакторы исполняют и самую приятную для себя миссию — благодарят коллег из отечественных и зарубежных вузов, принявших участие в ее создании.

Редакторы издания выражают признательность соучредителю Фонда Михаила Прохорова **Ирине Дмитриевне Прохоровой**, поддержавшей данный научный проект и нашедшей возможность открыть первое заседание Международного семинара в Сибирском Федеральном университете. Мы также благодарим **Международный фонд Д.А. Пригова** за всемерную помощь в проведении научного форума и яркое участие специалистов Приговского центра в заседаниях семинара.

Огромное спасибо нашим рецензентам, **Игорю Силантьеву** и **Йенсу Херльгу**, профессиональное общение с которыми сделало работу над монографией увлекательнейшим занятием!

Раздел 1

ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМ КАК МОДУС РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: СТРУКТУРА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЯВЛЕНИЯ

Опасности культуроцентризма: культ литературы глазами литературы

Понятие «литературоцентризм», как известно, сложилось в рамках историко-социологической мысли об особенностях функционирования художественного слова в культурном контексте. Однако литературоцентричные основы человеческого сознания и поведения неоднократно становились предметом изображения в самой литературе, причем художественная словесность обратилась к этому предмету задолго до появления его историко-социологического анализа, начиная уже со средневековых разработок темы судьбы человека, руководствующегося в выборе жизненной стратегии книжными наставлениями. Феномен, который в современной социологии имеет название «кризис литературоцентризма», впервые получил художественное воплощение четыре века назад — в словесности позднего ренессанса. Литературные истории таких знаменитых читателей европейского постренессанса, как Дон Кихот и Гамлет, выразительно свидетельствуют, что книга теряет тот абсолютный статус, который ей присваивался в рамках культуры Средневековья. Если шекспировский герой с горечью признается в том, что утратил веру в истинность книжных слов, то герой Сервантеса в финале своей истории прямо проклиная литературу, разуверившись в действенности модели поведения, которую он почерпнул в рыцарском романе. В последующей словесности подобные сюжеты повторяются с очевидной периодичностью, превращая драму взаимоотношения человека с книгой в постоянный предмет интереса как европейской, так и русской литературы.

Поднимая в предшествующей данным размышлениям статье¹ вопрос о том, что представляет собой *русская* литературная мысль о культурных функциях словесности, нам удалось выявить аспект, принципиально отличающий *художественное* решение вопроса о

¹ Турышева О.Н. Русский литературоцентризм в аспекте литературной рефлексии // Уральский филологический вестник. 2013. № 1. С. 228–243.

кризисе литературоцентризма от того, как этот вопрос решается в рефлексии *социологического* плана. Историко-социологическое литературоведение важнейшим и универсальным показателем понижения культурного статуса литературы считает тот факт, что в периоды кризисов люди чаще отказываются от чтения в пользу иных форм культурного поведения, так как перестают наделять художественное слово жизнеопределяющими функциями.

Так, И. Кондаков, выделяя *четыре кризиса* литературоцентризма в русской культуре, каждый из них связывает именно с этим феноменом — феноменом предпочтения книге других источников эстетического переживания и этической рефлексии. *Первый кризис* исследователь характеризует тенденцией выдвижения на первый план русской культуры в XIX в. литературно-критической мысли, которая, «как утверждали великие русские критики, начиная с Белинского, “выше” литературы, потому что “мыслитель” выше “художника” в силу своей большей объективности, широты кругозора, <...> устремленности на преобразование действительности, а не ее лишь образное отражение»¹. *Вторая фаза* кризиса литературоцентризма приходится на Серебряный век, когда слово становится объектом эксперимента на предмет устойчивости его смыслового содержания (например, в футуризме: В. Хлебников, А. Крученых, Д. Бурлюк) и когда популярность обретает внесловесное, альтернативное литературе искусство: абстрактная живопись (В. Кандинский, М. Ларионов, К. Малевич), эксперименты в области музыкальной изобразительности (А. Скрябин), «осуществление С. Дягилевым в “Русских сезонах” постагниернианской модели синтеза искусств, в которой наряду с живописью, музыкой и танцем принципиально не оказалось места слову», — все это, по выражению исследователя, «отнимает у слова роль смыслового навигатора»².

Третий кризис в рамках данной реконструкции связывается с политизацией русской жизни в советский период, когда бывшие функции литературы оказались узурпированы идеологией. Наконец, *четвертая фаза* кризиса литературоцентристских тенденций в описании И. Кондакова приходится на настоящий момент российской истории и проявляется в мощной визуализации и инфор-

¹ Кондаков И. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX—XXI вв. // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 23.

² Там же. С. 29.

матизации культуры, что стремительно отменяет значение литературы в жизни человека. Литература «сама становится продуктом современных медиа», — констатирует исследователь¹. Размышления И. Кондакова о современном «бунте против литературоцентризма» (М. Берг) поддерживают многие аналитики, настаивая на том, что в конце XX в. под давлением аудиовизуальных средств массовой информации происходит вытеснение словесности из культурного пространства, что заставляет читателя «отвернуться от литературы» в пользу других форм досуга².

Обратим внимание на то, что в специальных исследованиях современный кризис литературоцентризма вовсе не связывается с ситуацией конца или смерти литературы. И. Кондаков, М. Берг, прослеживая историческую судьбу русского литературоцентризма, приходят к выводу о том, что современное понижение культурного статуса словесности есть явление конкретно-историческое, закономерное, а потому временное и вовсе не свидетельствующее о крахе основ национальной культуры. Речь идет о естественном процессе утраты литературой того статуса, который она имела раньше, опираясь на систему идей, аутентичных ушедшему времени (таких, как сакрализация слова и утверждение пророческого статуса автора), и, следовательно, — о закономерном изменении функций литературы, которая в современной культуре действительно перестала быть исключительным и универсальным источником эстетического и нравственного опыта.

Итак, согласно социологической логике, кризис литературоцентризма находит свое первостепенное проявление в том, что книга перестает быть неперменным фактором культурной жизни, не выдерживая конкуренции с ее иными формами: литературной критикой (в рамках кризиса второй половины XIX в.³), иными искусствами (в рамках Серебряного века⁴), идеологией (в рамках

¹ Там же. С. 43.

² См.: Берг М. *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 200–205.

³ Критикоцентризм, в терминологии И. Кондакова. См.: Кондаков И. *Покushение на литературу (О борьбе литературной критики с литературой в русской культуре)* // Вопросы литературы. 1992. Вып. II. С. 25.

⁴ Там же. С. 27–31.

советского периода¹), аудиовизуальной и медийной культурой (в рамках современного кризиса²). Однако сама русская литература, размышляя о собственном статусе в национальной культуре, открывает иной аспект кризиса литературоцентризма. Это *утрата доверия к тем функциям литературы, которые были сакрализованы в эстетике предшествующего (как правило) периода*. Подобная рефлексия представлена в русской словесности в историях таких героев, которые, выбрав книгу в качестве жизненного руководства, переживают крах воспитанных ею (книгой) иллюзий и крах связанных с ней представлений. Универсальность и повышенная частотность сюжета о драме взаимодействия героя с книгой позволяет сделать вывод о том, что сама литература часто говорит не об опасностях, связанных с ослаблением ее роли в жизни человека (с чем, повторим, кризис связывают литературоведческие исследования, выдержанные в историко-социологическом ключе), а наоборот, *о тех опасностях, которыми чреват литературоцентризм, о парадоксах абсолютизации художественного слова в качестве способа осмысления мира и формирования собственного опыта*.

Конечно, это удастся литературе благодаря тому, что, обращаясь к теме литературоцентричного поведения, она придает ей *сюжетное* оформление, эстетически завершая историю читателя, строящего свою жизнь по литературному образцу. Именно благодаря наличию этого событийного ракурса, позволяющего судить *о результатах* литературного поведения героя, словесность формирует собственную рефлекссию о судьбах литературоцентризма. В рамках данных размышлений хотелось бы выделить те опасности, которые особенно часто отражают литературные истории, ориентированные на критику литературоцентричного поведения. При этом в выборе материала мы выйдем за рамки отечественной литературы и расширим содержательную сферу понятия «литературоцентризм». В последнее время под данным термином почти исключительно подразумевается особенное качество русской культуры, ее повышенное «тяготение <...> к литературным формам

¹ См.: Медведев Р.А. Люди и книги. Что читал Сталин? Писатель и книга в тоталитарном обществе. М.: Права человека, 2004.

² См.: Кондаков И. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX—XXI вв. // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 43.

саморепрезентации» (И. Кондаков). Однако литературоцентричностью характеризуются и важнейшие проявления европейской культуры, которая на протяжении веков в чтении и письме видела главный фактор развития личности: «Сама модель [европейского] индивида, возникшая в конце Средневековья, — пишет А. Компаньон, — это читатель, прокладывающий себе путь сквозь книгу»¹. Европейский литературоцентризм также имеет свои пики и кризисы, причем, если иметь в виду эстетико-теоретическое обоснование, следует признать их сущностное совпадение с кульминационными моментами в истории русского литературоцентризма². Это направление и будет развивать автор данной статьи, первоначально сосредоточив внимание на тех опасностях, которыми — в литературном изображении — чреват литературоцентричный ракурс восприятия мира.

Опасность первая: формирование иллюзорного сознания

Сознание, находящееся во власти литературной суггестии и в неадекватной надежде пытающееся воплотить в жизнь литературные сюжеты или литературоцентристские концепты, — один из самых частых предметов художественной рефлексии, размышляющей о функциях литературы. Данная тема была задана сервантесовским решением образа читателя, вознамерившегося обустроить мир по литературному образцу и потерпевшего жестокое поражение в осуществлении этого проекта. Структуру донкихотовского сюжета повторяет и роман Дж. Остен «Нортенгерское аббатство», героиня которого воспринимает мир сквозь призму готической поэтики. Тяготясь обыденностью светской жизни, она, вопреки здравому смыслу, демонизирует бытовые обстоятельства по образцу любимого романа — «Удольфских тайн» Анны Радклиф. Однако в финале, убедившись в неадекватности своего восприятия жизни, героиня прощается с книжными иллюзиями, не преминув в то же время обвинить в собственном поражении Анну Радклиф.

¹ Компаньон А. Демон теории: Литература и здравый смысл. М., 2001. С. 42.

² О европейском литературоцентризме см. также: Берг М. Литературократия. С. 208—221.

Особую актуализацию тема власти художественного образа находит в литературах романтизма и реализма. Во французской словесности XIX в. выразительные примеры могут составить истории читателей, изображенных Т. Готье, Г. Флобером, П. Мериме. Так, герой новеллы Готье «Онуфриус, или удивительные злоключения, произошедшие с одним поклонником г-на Гофмана» на почве истового чтения воображает себя жертвой дьявольского преследования, в финале повести окончательно погружаясь в безумные грезы. Неадекватное, извращенное штампами романтической литературы сознание является предметом анализа в новелле П. Мериме «Двойная ошибка», романах Г. Флобера «Госпожа Бовари» и «Воспитание чувств». Герои этих произведений терпят внутреннее фиаско и поражение в социуме, что сюжетно связывается с их ориентацией на литературный образец жизнестроительства.

Отдельно отметим героев, терпящих поражение не на почве фантазий, почерпнутых в литературных сюжетах, а на почве иллюзий, связанных с литературоцентристской эстетикой, культивирующей книгу и чтение в качестве сакральных констант человеческой жизни. В литературе XIX в. это герой повести Тургенева «Фауст», вынужденный признать трагическую ошибочность романтического мифа о чтении как «самом чистом, самом законном наслаждении». В новейшей литературе подобный персонаж нашел воплощение в романе М. Елизарова «Библиотекарь», повествующем в гротескной манере о чудовищных формах, в которые способна воплотиться сакрализация книги в качестве идеологического инструмента тоталитарной культуры.

Опасность вторая: ориентация на литературный образец в целях самооправдания, эстетизации безнравственных форм поведения

Этот тип читательского поведения находит выразительное воплощение в русской литературе постромантической эпохи. При чем изображение героя, использующего литературный образец в таком цинично-потребительском плане, всегда исполнено в разоблачительной тональности. Достаточно вспомнить Милочку — героиню одноименного рассказа С.П. Победоносцева, которая освящает вульгарное поведение апелляцией к творчеству Жорж Санд, трактуя философию последней как обоснование права на наруше-

ние обета супружеской верности. Подобное эгоистическое «применение» художественного текста использует и героиня чеховского рассказа «Загадочная натура», пытающаяся литературными аналогиями облагородить меркантилизм: «Я страдала во вкусе Достоевского!» — говорит она, оправдывая очередную корыстную связь мотивом самопожертвования.

Другой пример находим в повести А. Чехова «Дуэль», герой которой Иван Андреевич Лаевский признается, что научился «находить объяснение и оправдание своей нелепой жизни <...> в литературных типах»¹. Литературой, напомним, он повергает обстоятельства своей жизни, личные впечатления и поступки. Так, неприязнь к любимой ранее женщине освящена аллюзией, восходящей к «Анне Карениной», а мучительные усилия разрыва с ней — кокетливым сравнением с Гамлетом: «Своею нерешительностью я напоминаю Гамлета... Как верно Шекспир подметил! Ах, как верно!»². Эгоизм подобной эксплуатации литературного образа разоблачает в Лаевском фон Корен. «Галимаття» Лаевского «об Онегине, Печорине, байроновском Каине, Базарове, про которых он говорил: “это наши отцы по плоти и духу”» справедливо трактуется им как свидетельство элементарной безответственности героя: «Понимайте так, мол, что он не виноват <...>, а виноваты <...> Онегин, Печорин и Тургенев, выдумавший неудачника и лишнего человека...», — говорит фон Корен³.

В наиболее жесткой форме такого рода опасность литературоцентричных установок сознания представлена в «Записках из подполья». Подпольный человек, напомним, пытается оправдать свой «развратишко», находя «благородную лазейку» в сочинении собственной героической биографии по романтическому образцу и привлекая в качестве опор сюжеты и мотивы Жорж Санд, Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других. Однако литературная эстетизация собственного безобразия, построение «высокого и прекрасного» образа не приносят герою ни малейшего удовлетворения, напротив, парадоксально оборачиваясь разоблачением собственной «пошлости и подлости». При этом, признавая низость собственно-

¹ Чехов А.П. Дуэль // Чехов А.П. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1970. С. 379.

² Там же. С. 380.

³ Там же. С. 394.

го поведения, подпольный человек в финале повести обвиняет литературу — в том, что она «отучила» человека от «живой жизни». Стремление читателя в «книжке» найти экзистенциальные образцы и модели осознается героем как выражение злого объективного закона, который подчиняет себе человека, лишает его способности к самостоятельному жесту, стандартизирует жизнь.

Рефлексия относительно подобного «использования» книжного образа, как будто бы санкционированная литературоцентричными основаниями культуры, принадлежит и австрийскому писателю Г. Айзенрайху. Героиня его новеллы «Приключение как у Достоевского», услышав на улице обращенную к ней просьбу о милостыне, чувствует себя втянутой в литературное событие, участие в котором позволит ей пережить удовлетворение собственным гуманизмом, избавиться от укоров беспокойной совести. Однако в эгоистических попытках довести до конца избранную роль великодушной подательницы героиня невольно разрушает чужую жизнь, в финале повести, впрочем, признавая всю неприглядность своего литературоцентричного поведения.

Опасность третья: самоубийственное отторжение живой жизни

Данная тема получила свое множественное воплощение в произведениях об истовых читателях, ищущих в отношениях с книгами утешительную замену взаимоотношениям с миром людей. Будучи задан в иронической новеллистике французского писателя XIX в. Ш. Нодье, сюжет добровольного заточения в мире книг получает в XX в. трагическое воплощение. Самые яркие иллюстрации, подкрепляющие это наблюдение, — новелла Г. Гессе «Книжный человек», романы Э. Канетти «Ослепление» и К.-М. Домингеса «Бумажный дом». Все изображенные в этих произведениях читатели уходят в запойное чтение и коллекционирование книг в надежде обрести счастье, которое в силу разных причин представляется им невозможным в мире людей. При этом все они терпят жестокое поражение. Герой Г. Гессе, иступленно покидая свою библиотеку в поисках «настоящей жизни», признается, что его «бумажная жизнь» была трагическим самообманом. Персонаж Э. Канетти, пережив чудовищный опыт общения с миром «дионисийского хаоса», выбирает в качестве «лучшей роди-

ны» библиотеку, но в безумном порыве единения с ней сжигает себя вместе с книгами. Герой К.-М. Домингеса, разочаровавшись в том, что чтение может удовлетворить его потребность в любви, человеческом тепле, жестоко расправляется с книгами, в гротескно-разрушительном акте выстраивая из них дом на берегу океана, обреченный на постепенное разрушение под действием влажного воздуха и лучей тропического солнца.

Эту парадигму может дополнить и повесть «Сонечка», автор которой склоняется к не менее трагическому варианту сопряжения смыслов, связанных с любовью к чтению и смертью читателя: представляется, что погружение героини Л. Улицкой в книжный мир уравнивается с ее уходом из живой жизни. «Обморок» чтения образует композиционное кольцо в истории читательницы. Будучи «закутана в кокон из тысяч прочитанных томов», выйдя в жизнь из утробы библиотеки, она очевидно осуществляет сюжет «вечной Сонечки», искренне упиваясь счастьем самоотверженной жизни для других¹. До конца исчерпав смысловую структуру этого архетипа русской словесности, героиня, однако, затем возвращается в лоно литературы, чтением закрыв за собой дверь в жизнь.

Опасность четвертая: насилие над жизнью в угоду литературоцентристской идее

Эта опасность выразительно представлена в романе Вс. Бенигсена «ГенАцид», который, обращаясь к теме русского литературоцентризма, выводит идею сакральности слова за рамки индивидуальной судьбы героя, распространяя ее трагическое воздействие на судьбу страны в целом. Здесь предметом критической рефлексии является литературоцентризм советского периода с его верой в социально-преображающую силу слова, идеологическую власть книги над сознанием читателя. Эксперимент по преобразению жизни на основе государством назначенной любви к книге и составляет романский сюжет. Однако разрешается он отнюдь не ожидаемым со стороны государства единением, а «жестоким и

¹ См.: Ковтун Н.В. Сонечки в новейшей русской прозе: к проблеме художественной трансформации мифологемы софийности // Literature. 2011. № 53 (2). С. 53–70.

беспощадным» бунтом, в ходе которого совершаются страшные преступления. Проект преобразования русской жизни на почве любви к национальной классике терпит тотальный крах, оборачиваясь самоуничтожением собственных последователей.

Такое завершение сюжета в романе В. Бенигсена, конечно, подразумевает рефлексию относительно статуса литературного слова в русской культуре. По выражению одного из критиков произведения, автор показывает «метафизическую изнанку <...> русского литературоцентризма»¹. Однако, думается, что критическая мысль здесь направлена не столько на русскую веру в преобразующую энергию слова, сколько на его манипулятивное использование властью. Субъектом эксперимента выведено именно государство. Санкционированная сакрализация литературы не только не предполагала рефлексии со стороны читателей (им предлагалось механическое заучивание), но была насильственным властным актом, рассчитанным не на самовоспитание читающего человека, а на силовое внедрение идей. Поэтому «восстание масс» в Больших Ущерах направлено, скорее, не на саму литературу, а на литературоцентризм как политическую стратегию, ее методы и цели.

Этот же аспект в осмыслении русского литературоцентризма присутствует и в романе М. Елизарова «Библиотекарь». Но если выше мы привлекали его в качестве иллюстрации художественного освоения идеи чтения как модуса формирования иллюзорного сознания, то сейчас обратим внимание на то, что служение книге, с которой связывается спасение страны, неизбежно оборачивается насилием над живой жизнью. Избранный во имя осуществления высоких целей герой оказывается лишен собственной судьбы, замурованный в бункере, в принудительном чтении он вынужден обеспечивать власть идеологии.

Опасность пятая: насилие над книгой как обратная сторона ее сакрализации

Жертвой литературоцентристских установок нередко становится и сама книга. Данная проблема отчетливо поставлена во

¹ Мирошкин А. Вот и дочитались. О сельском библиотекаре и русском бунте // НГ Exlibris. 2008. 27 августа. С. 2.

французской литературе, посвященной библиотекарям, библиофилам, книжным коллекционерам — т.е. тем, чья любовь к литературе находит воплощение в гипертрофированной потребности охранять книги, обладать ими как ценными артефактами. В изображении таких авторов, как Ш. Нодье (новелла «Библиоман»), Г. Флобер (новелла «Библиомания»), Ж. Дюамель («О любителях» из цикла «Письма к другу-патагонцу») страсть сбережения, накопления книг описана как исполненная разрушительной энергии, направленной как на саму книгу (объект отчаянных забот и вожделений), так и на коллекционера. Герои-библиофилы Ш. Нодье и Ж. Дюамеля в своем стремлении обеспечить ценным книгам достойное хранение, становятся их могильщиками: семантика коллекционирования как погребальной деятельности звучит в обеих новеллах. Еще более деструктивна страсть флюберовского коллекционера: будучи потрясен фактом существования второго экземпляра книги, которую он боготворил, стремление владеть которой заставило его рисковать жизнью, совершать преступления, он добивается себе смертного приговора, в пароксизме парадоксального удовлетворения уничтожая и саму книгу.

Мы выделили лишь некоторые опасности, с которыми литература связывает культурную сакрализацию книги. Сама литература, участвуя в возвышении художественного слова, в то же время фиксирует внимание на проблемах, которыми прорастает литературоцентризм, в отдельных своих проявлениях способный дегуманизировать жизнь. Но, конечно, в основе этого мотива лежит отнюдь не высокомерное отношение к читателю, якобы не способному к адекватному «применению» литературы¹. Причины сосредоточенности литературы на изображениях парадоксов и опасностей культа литературы следует искать в плоскости эстетической мысли о функциях и предназначении словесности. Очевидно, что сама литература, делая предмет своего изображения персонажей, исповедующих культ литературы (или использующих литературоцентристские установки культуры в эгоистических целях), участвует в оформлении этой мысли. Более того, понимание литературы своего предназначения в рамках каждого нового исто-

¹ «Применение литературы» — термин В. Изера.